

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

сравнительно недавно еще существовали только косвенные свидетельства, открыты на рубеже этого столетия в Центральной Азии, занесенные туда выходцами из Согдианы. Учеными экспедициями согдийские рукописи добыты и доставлены в Европу. Часть текстов, хранящихся в Парижской Национальной Библиотеке, издана самим Готто, берлинские — Ф. В. К. Мюллером, а хранящиеся в Азиатском Музее в Петербурге фрагменты — Ф. А. Розенбергом. Открытие памятников согдийского языка и привлечение его к лингвистическим разысканиям в области иранских языков имеет чрезвычайно важное значение, так как с ним прибывает новое звено в столь мало еще разработанной северной, т. н. скифской ветви иранских языков, живыми представителями которой являются осетинский яз. и ягнобский диалект. И в этом направлении труд Готто, могущий служить покойному иранисту вечным «нерукотворным» памятником, сослужит великую службу, а друзья покойного, с его учителем А. Мейе во главе, озаботившиеся об издании книги, могут рассчитывать на благодарность читателей.

Огромное количество лексического материала, имеющегося в книге, могло бы дать ценный указатель слов; позволительно думать, что он будет приложен ко второй части книги.

А. Фрейман

— Die Aufgaben und Methoden der Sinologie. — Sprache und Schrift in China und Japan. — Zwei Vorlesungen gehalten vor der Philosophischen Fakultät der Ruprecht-Karls-Universität zu Heidelberg von D-r. F. E. A. Krause. Heidelberg, 1919.

Китаеведение, повидимому, начинает проникать в университеты в довольно значительной мере, хотя далеко не в той, какой оно заслуживает, как филология с классическим периодом литературы, обширным экзегетическим фондом автохтонных розысканий, и наконец с особым типом письменности, создающей ценности, не укладываемые в общеофиологические схемы. Германия, эта классическая страна университетов, давно уже откликнулась на этот зов со своих кафедр, представители которых в Берлине и Лейпциге (Габелэнд, Грубэ), а также их коллеги, избравшие при общенаучной деятельности для преподавания уклон практический (Франкэ, Форкэ), оказали науке синологии большие заслуги. Благодаря им, лучшая грамматика китайского языка, лучшая история китайской литературы, лучший очерк истории Китая, единственная история китайского искусства и многое прочее созданы на немецком языке. Тем не менее, синология наука не немецкая, и д-р Краузе, открывший в 1919 г. университетское преподавание китайского и япон-

ского языков в классическом Гейдельберге, это открыто признает, требуя от слушателей — несмотря на 1919-й год — абсолютного уважения к французской и английской синологии. Можно только приветствовать этот новый фазис синологии и выразить уверенность, что он разовьется в самое лучшее, на что способен немецкий гений и немецкая наука.

Две вступительные лекции нового китаиста-преподавателя, как и следовало ожидать, исходя из их заглавий, по интересу не одинаковы, и вторая более *ad usum scholarum*, чем для научной пропаганды, так что мы сосредоточимся пока на первой, хотя и не исключительно.

Первая его лекция доказывает, что университетский дух им владеет с достодолжной силой. Перспективы отчетливы, методы также. Он спешит оговориться сразу же, что академический студент и ученый не толмач, а научный работник; что ему чужды по духу и манере все эти китаисты, не знающие китайского языка, но, к сожалению, написавшие о Китае едва ли не больше, чем китаисты, так или иначе язык знавшие; что без знания китайского языка нет университетского знания языка японского и т. д.

С другой стороны, ему думается, что китаеведение, не выделившееся пока еще в частичную дисциплину, дает своему адепту большие шансы на универсальность, на расширение своей эрудиции далеко за пределы собственного Китая, ибо составные части этого политического целого, изучаемые отдельно, все же, отражаются и в синологии.

Полезно также начинающим ученым выслушать, что мы не должны мерить Китай на свою мерку, а применять к нему его же собственные нормы, не забывая, что в его глазах мы, европейцы, всего лишь люди вчерашнего дня. Важно сообщить им же с кафедр, что они будут изучать не абракадабру-шинуазри, а логическое и практически совершенное, — в своих целях, конечно, — письмо.

Очень интересно, что, преодолевая болезненно развивающийся немецкий шовинизм, Краузе принимает и советует другим принять во имя единой науки английскую транскрипцию Уэйда (Wade), в которой никаких, кроме распространенности, достоинств нет. Но всякая транскрипция условна, и Краузе прав, взывая к унификации.

Начиная свою деятельность в Гейдельберге при условиях, которые нельзя не признать тяжелыми (особенно, отсутствие библиотеки), лектор дает волю своим патристическим lamentациям, приводящим его к угрюмым, по твердым перспективам. Он предупреждает студентов, что занятия синологией в это тяжелое время стыда и боли, время потери идеалов и традиций, не хлебное дело (*Brotstudium*), ибо колонищ нет,

а с ними и хлебных мест. Кроме того, погибла на войне много синологов, так что традиция рушится. Но это самое и должно ободрить молодых: они должны идти на смену, отвечая смело на вопросительный девиз: *dic sur hic*.

При всем этом, в речах Краузе есть многое, с чем трудно согласиться, и во всяком случае, считать чего-либо стоящим. Так, задачи университетской кафедры в отношении классической литературы Китая изложены односторонне. Кому-кому, а уж европейцу-то следует, наконец, переопределить понятие «классицизма» китайской литературы далее традиционных конфуцианских программ, — и сделать это надо с кафедры, которую странно в 1919 году замыкать в те же пределы, в которых она была столет назад. Далее, желая вызвать в молодых людях призвание к суровому «*eiserne Selbststudium*», лектор не упомянул о самом привлекательном элементе китайской литературы: поэзии, издшной прозе, драме и т. д., для которых сердца раскрываются на первых порах чаще, чем для алтайского языкознания, которое Краузе тоже относит к синологии. Интерес синолога к японскому языку прослежен крайне поверхностно, тогда как это — интерес жизненный, и научно, и практически. Значение манджурского языка для двуязычных этюдов не выяснено ни в ту, ни в другую сторону и т. д.

Надо также указать автору на ряд его излишних увлечений, например, универсализмом синологии, обнимающим все, что на китайской территории существует или существовало, не исключая и соседей. Непонятно, почему нельзя преподавать одновременно и «мертвый» (книжный), и живой язык.

Лектор сильно отстал к 1919 году от науки. Так, он определенно заявляет, что все операции с фонетическими системами китайского языка, на предмет обнаружения фонетических законов, являются лишь забавой. Никто из знакомых с изысканиями Pelliot, Maspero, Karlgren'a не решился бы теперь это утверждать, как было лет 50 назад.

Точно так же рекомендовать слушателям держать твердо в памяти, что разговорный язык в Китае не может быть употребляем на письмо, кроме фамильярных обращений, анекдотов и учебников для иностранцев, — это значит не знать, что в Китае с 1915 года происходит революция против старого языка и замена его новым «белым», иначе — разговорным, но которым написано, например, «История китайской философии» профессором Пекинского университета Ху Ши. Французские ученые об этом великолепно знают, и только шовинистическое ослепление немцев, не читавших в это время французской литературы, могло принести подобный плод, тем более странный для автора

брошюры. Не знает лектор и об успехах японологической лингвистики (Edwards, Поливанов), считая, что она в загоне.

Университетскому преподавателю не следовало бы переопределять традиционную неслышимость китайской литературной речи. Можно положительно утверждать, что, например, передовицы и фельетоны газет, написанные на чисто литературном языке, могут легко быть прочитаны одговорному китайцу, — не говоря уже о выражениях-формулах классического языка, знакомых всем по старому грамотным людям (а речь идет, повидимому, только о них).

Точно так же не мешало бы, прежде всяких категорических утверждений, переопределить трафаретные суждения об односложности и неизменности китайских слов, ибо самому же лектору известны факты фонетически-смысловой эволюции слов и атонаической суффиксации, близко подходящей к агглютинированию или склонению.

Затем, разве для университетской аудитории самыми трудными текстами являются эпистолярный (письмовники?) и газетный? Можно ли так узко и поверхностно оценивать и локализовать литературные явления?

Наконец, кое-что неверно в утверждении лектора, который, например, смешивает так называемый «мандаринский» язык (гуань хуа) с официальной перепиской, для которой первый отнюдь не служит, и кое-какие недосмотры, — вероятно, описки.

Обе эти статьи-лекции полезно было бы всетаки читать любому начинающему, и даже их местный колорит как-то особенно интересен. Приятно знать, что китаеведение выходит повсюду на университетскую дорогу, идти по которой ей давно уже было указано ее французскими отцами.

В. Алексеев

— *H. S. Nyberg. Kleinere Schriften des Ibn Al-Arabi. Nach Handschriften in Upsala und Berlin zum ersten Mal herausgegeben und mit Einleitung und Kommentar versehen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der philosophischen Doktorwürde mit Genehmigung der weitberühmten philosophischen Fakultät zu Upsala vorgelegt. Leiden, 1919. XIV + 203 + 240 араб. текста.*

От Индии до Алжира повсюду, где раздается протяжный призыв муэдзина, всакий образованный мусульманин чит и уважает имя Ибн ал-Араби. Его изречения цитируются в книгах как слова «великого шейха» (аш-шейх ал-акбар), — имя называть излишне: каждый и так должен знать, кто такой этот великий шейх. И в самом деле, Ибн ал-Араби одна из интереснейших личностей среди философов Ислама. Все разнообразные толки, все учения существовавшие до него на Переднем Востоке, сли-